

Вардомацкий Л.М.
**«ПОРЯДОК ШКОЛЬНЫЙ ИЛИ УСТАВ ЛЬВОВСКОЙ СТАВРОПИГИЙСКОЙ
БРАТСКОЙ ШКОЛЫ» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

Ключевые слова: история языка, памятник письменности, текст, деловой стиль языка, народно-разговорный язык, территориальные диалекты.

Памятники восточнославянской письменности несут в себе не только огромный потенциал для изучения собственно исторических фактов, процессов, событий давно минувших времен, но и, что не менее важно, способствуют объективной интерпретации этих фактов и событий применительно к дню сегодняшнему. И это в полной мере соответствует задачам исследования языковых особенностей письменных памятников различных исторических эпох, территорий и этносов, а также исторических процессов, протекавших в языках в разные времена и сформировавших их современное состояние. И здесь с сожалением следует отметить, что, в сравнении с изучением «истории фактов», изучение истории языка на основе текстов исторических документов и памятников письменности не представляет собой выраженного исследовательского единодушия. Мнения историков-языковедов расходятся от высокой степени доверия к языку памятников письменности до почти полного отрицания возможностей описания и систематизации языка этноса конкретной эпохи по его письменным памятникам, поскольку, как принято считать, эти тексты написаны трафаретным языком, в основе которого – книжная традиция церковнославянского письма, и поэтому они не отражают живую речь жителей, а значит живой язык этноса и территории. Но и те, и другие выводы нам кажутся поспешными, поскольку не всегда базируются на скрупулезном анализе текстов оригинальных или наиболее близких к первоисточнику, не претерпевших разного рода субъективных и объективных редакций. И до сегодняшнего дня некоторые известные письменные памятники все еще остаются за пределами научного внимания языковедов.

Одним из таких письменных памятников, на наш взгляд, является документ, известный под названием «Порядок школьный или Устав Львовской Ставропигийской братской школы» (далее в тексте «Порядок школьный...»). Первая публикация этого документа была осуществлена в 1863 г. профессором «русского языка и словесности русской» Львовского университета Я.Ф. Головацким, который затем передал текст Н.И. Костомарову, готовившему к публикации второй том «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России». В этом издании в 1865 г. и был опубликован доступный нам сегодня полный оригинальный текст «Порядка школьного...» под указанным выше развернутым названием [1]. Именно это издание документа, наиболее близкое к оригиналу, хорошо известно и описано историками и исследователями истории школ и образования на восточнославянских землях. Однако представителей этих наук, как правило, интересует фактологическая, содержательная часть документа. Его языковые особенности, лексическая и грамматическая структура, столкновение в нем книжное-письменных и разговорно-бытовых языковых стихий, традиций и новаций, насколько нам известно, так и не стали предметом комплексного лингвистического анализа. И причин, определяющих неоднозначное отношение языковедов к этому документу, несколько. Среди них как причины внешнего, так и собственно лингвистического характера. О внешних причинах мы здесь говорить не будем – это тема совершенно другой дискуссии. Причины собственно лингвистического характера концентрируются вокруг различного отношения к понятию «книжно-литературный язык» эпохи между поздним Средневековьем и Новым временем – временем, как известно, переломным в культурной и политической жизни восточнославянских народов. В связи

с активным развитием образовательной деятельности и книгопечатания и одновременно отсутствием собственных языковедческих нормализующих разработок, авторы текстов этого времени в значительной степени продолжают ориентироваться на древнерусские и церковнославянские письменные традиции, подражая устоявшимся языковым формулам. И этим объясняется относительное языковое единообразие письменных текстов, созданных на обширнейшей территории, заселенной восточными славянами. В реальности же, как принято считать, языки устно-бытового общения населения различных территорий заметно отличались как от языка письменности, так и от языка соседних родственных племен. И даже в более поздний, «московский период развития русского литературного языка, – как пишет Е.А. Кедайтене, – книжно-славянская и народно-литературная стихия были противопоставлены друг другу» [2, с. 188].

Однако далеко не все исследователи истории языка согласны с таким пониманием развития истории языков. В.В. Колесов, например, основываясь на изучении языковых особенностей различных диалектных зон, пришел к убеждению, что «Расхождения в языке между славянскими племенами в древности проявлялись в незначительной степени в лексике и в звучании слов – в фонетике» [3, с. 15].

Если опираться на мнение о значительном расхождении (противопоставлении) «книжно-славянской и народно-литературной стихий», то следует признать, что письменные языки – это в основе своей искусственные формы, по которым нельзя судить о живом народном языке определенного времени на определенной территории. И, следовательно, можно говорить лишь об относительной полезности исследований языка большинства восточнославянских памятников письменности для установления фонетической и лексико-грамматической структуры живого языка конкретной восточнославянской территории.

На наш взгляд, обобщенные теории о противопоставлении двух языковых стихий (книжно-письменной и разговорно-бытовой) значительно упрощают действительную суть проблемы. На самом деле при изучении истории языка по памятникам письменности речь должна идти об изучении языковых особенностей каждого конкретного документа, относимого к памятникам письменности, поскольку в жанрово-стилевом отношении все тексты существенно различаются.

Действительно, попытки увидеть сквозь призму делового документа устно-бытовую речь его создателя – работа крайне сложная, требующая кропотливого анализа и поисков в тексте документа особенностей передачи сочетаний букв, морфем, слов, и словосочетаний, не свойственных распространенным стереотипам книжно-письменного языка.

Для исследователей не языковедов какие-то варианты и особые элементы написаний, как правило, представляются несущественными, и при анализе или копировании текстов они могут ими пренебрегать (что часто и наблюдается в исследованиях неязыковой направленности). Для историка-языковеда именно такие отклонения от «общепринятого» написания – ошибки, описки, неточности – в своей совокупности дают материал для выводов о народно-разговорной основе языка изучаемого текста.

Именно с таких позиций рассмотрим некоторые языковые особенности текста уже упомянутого нами «Порядка школьного...» 1586 г.

Однозначно определить жанр этого документа достаточно сложно. Во всяком случае он не укладывается в рамки делового стиля речи, хоть и называется уставом. В тексте не выделяются устойчивые языковые клише, свойственные собственно деловому документу. В качестве относительного исключения можно разве что привести примеры использования в каждом пункте документа таких оборотов, как *маеть быти*, *мають вписовати*, *маеть взяти*, *мають початись* и под., сближающих документ с текстом инструкции.

И вместе с тем, в тексте «Порядка школьного...» отмечаем наличие особенностей, существенно отличающих текст этого документа от других документов официально-делового стиля. Среди таких особенностей – тематические отвлечения, параллели, сравнительные обороты. Так, в пункте 17 «Порядка школьного...» в одном абзаце последовательно представлены три стилистически разнородные фразы. Первая, собственно инструктивный характер текста (правила): *«Кгдыбы тыжъ хлопецъ въ единъ день до школы ходилъ, а другій занедбовалъ и такъ едно часъ бы собѢ тратилъ въ речи при школѢ, такого болше не пріймати»*. Вторая – семантическая параллель: *«Бо и барвѢрь (вероятно, барбѢрь – «брадобрей, парикмахер, выполнявший одновременно обязанности лекаря – Л.В.), кгдыбы хорого въ единъ день лечилъ, а въ другій занедбалъ, вмѢсто леченя въ болюю бы хоробу его приправилъ»*. И третья часть – поговорка-поучение библейского происхождения, сохраняющая особенности церковно-книжного языка: *«Рече бо: всякого брата, не по чину ходяща, отрицайся»*. И каждое из двадцати положений «Порядка школьного...» состоит как минимум из двух разностилевых частей. Это добавляет сложностей для языковедческого анализа, но одновременно и облегчает работу, поскольку стилиевой контраст подсказывает, в каких местах текста можно и нужно искать отклонения от письменной традиции, продиктованные писцу привычками его ежедневного бытового устного общения.

Рассмотрим в этом плане несколько примеров из текста «Порядка школьного...».

Во всем тексте абсолютно последовательно отсутствует графическое указание на необходимость мягкого прочтения Л [л] в сочетаниях Л с последующим согласным: *великою пилн^ностью, тол^нко не пил^нней, школ^ного, строител^ней школ^ныхъ, учител^нски, тол^нко науко^ню, болю^ню хоробу, болше и под*. Анализируя такие написания (их абсолютную последовательность), можно было бы судить о том, что звук [л] в родном говоре создателя текста только мягкий и, следовательно, дополнительного обозначения мягкости не требуется – в любом случае [л] всегда и только мягкий. Но написания других слов свидетельствуют, что [л] был парным по твердости/мягкости. Сравним: *дидаскал^нъ, но учитель^нъ; немад^ный, но вливаны^н; зъ выкладом^н, но задяцаны^н*.

Отсюда вывод может быть только один – в сочетаниях -лн-, -лк-, -лс-, -лш- в середине слова Л произносился в соответствии с написанием, то есть был твердым. И это была одна из фонетических особенностей территориального говора, родного для учителей братской школы.

Звуки [ж'], [ш'], [ч'], как известно, в древнерусском языке были только мягкими. Около XIV в. по говорам начинается постепенное (не параллельное) их отверждение. Этот процесс отразился и в тексте «Порядка школьного...». Сравним: *при-сужоно, подлейшого, гдыжъ*. Встречающиеся в тексте формы типа *послушенство* не противоречат данному утверждению, поскольку написание после шипящей гласной Е еще не говорит о палатальности шипящего. Сравним в современном русском языке: *широкий, женщина*.

Написания *зъ чого, чого научить* свидетельствуют о наличии тенденции к отверждению [ч] в родном говоре создателя текста. (Сравним с современным белорусским: *з чаго, чаму*). А написание *черга*, как и в случаях с [ш] и [ж], не является показателем мягкости [ч]. (Сравним качество этого звука в современном белорусском [ча^нстка] и в русском [ча^нсть]). При одинаковом написании совершенно разное качество [ч]).

Диалектные особенности заметно представлены и на морфологическом уровне текста, например, глагольными формами долженствования, о которых уже упоминалось выше: *маеть быти благочестивъ, мають быти приставлены, маеть быти данъ реестръ, мають дидаскал^нъ вписовати дѢти, маеть быти и запла^нта имъ, отпустити-ся мають, маеть взяти, маеть его учити, не мають початись учити*. По свидетельству М.Н. Шевелевой, «конструкции *иму (имѢть)* + инфинитив, получившие широкое

распространение в вост.-слав. ареале и развившиеся впоследствии в части диалектов в будущее время, фиксируются в памятниках с XIII в.» [4, с. 44]. В нашем случае мы наблюдаем дальнейшее разрушение первоначальных личных форм этого нетематического глагола и его диалектное развитие: *(он) имать* → *маеть*, *(они) имуть* → *мають*. Сравним в современном белорусском: *як мае быць, мець гонар, мець надзею, мець магчымасць, мець рацыю, маюць магчымасць*.

Подводя некоторые итоги можно отметить, что приведенные здесь примеры и рассуждения свидетельствуют, что исторический документ, известный под названием «Порядок школьный или устав Львовской Ставропигийской братской школы», с точки зрения выявляемых в тексте отражений живой, устной речи, трудно отнести к какому-либо из восточнославянских языков. В тексте проявляются диалектные особенности, соотносимые с каждым из восточнославянских языков, однако в количественном отношении, на наш взгляд, все же превалируют признаки, соотносимые с современными белорусскими диалектными и литературными формами.

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. 2 : 1599–1637 / [ред. Н. Костомаров]. – СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1865. – 314 с.

2. Кедайтене, Е. И. Формирование славянских национальных литературных языков / Е. И. Кедайтене // Вестник РУДН, сер. Лингвистика. – 2002. – № 5. – С. 185–198. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-slavjanskix-natsionalnyh-literaturnyh-yazykov/viewer> (дата обращения: 10.04.2025).

3. Колесов, В. В. Историческая грамматика русского языка : учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / В. В. Колесов. – СПб. : СПбГУ, 2010. – 512 с.

4. Шевелева, М. Н. О древнерусском глаголе имѣти, посессивных конструкциях и сложном будущем с имамъ / имоу в ранних восточнославянских текстах / М. Н. Шевелева // Вопросы языкознания. – 2019. – № 6. – С. 32–50.

Космач В.А. “ПАБУДОВА ДВАРА МАРКАЎСКАГА”

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское (ВКЛ), великокняжеский двор, город, местечко, мещане, повинности, староство, село, деревня.

Деревня Марково сегодня – центр Марковского сельского совета в Молодечненском районе Минской области Республики Беларусь [4]. Это одна из старейших белорусских деревень. В письменных источниках Марково впервые упоминается под 1415 г. и в Великом Княжестве Литовском (ВКЛ) было известно как великокняжеский двор, село и центр Марковского староства [1, с. 66–98; 2]. Из «Списка русских городов дальних и ближних» М.Н. Тихомирова видно, что Марково существовало уже до 1415 г., причем в статусе «города» наряду с Лоском. Других подобных «городов» в конце XIV – начале XV в. на территории верхний р. Вилии и нѣманской Березины не было [2, с. 34].

В начале XVII в. местечко и великокняжеский двор Марково, как Марковское староство, успешно развивались, что видно из рукописного источника «Пабудова двара Маркаўскага» («Строение двора Марковского»). Он написан на польском языке¹, автор его не известен. Скорее всего, это подробный хозяйственный инвентарь Марковского двора и староства, датированный 1616 г. Это рукописный текст объемом в 41 страницу. Часть страниц и концовка текста, как и обложка, отсутствуют. Этот редкий по истории Молодечненщины и деревни Марково источник хранится в отделе рукописей библиотеки Варшавского университета в Польше, с которым повезло поработать автору, как и разыскать его [5]. Он введен уже нами в научный оборот в своем полном виде в 2022 г. [3, с. 27–43].

¹ Перевод на белорусский язык выполнен кандидатом филологических наук, доцентом Юрием Михайловичем Бабиным, за что автор выражает искреннюю признательность.